

В.М. Мокиенко

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: mokienko40@mail.com

V.M. Mokienko

Sankt-Peterburg State University

УДК 811.161; 398.9; 659.123.15

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ АРХАИКА И ИНТЕРНЕТНЫЕ ИННОВАЦИИ*

PHRASEOLOGICAL ARCHAISMS AND INTERNET INNOVATIONS

Аннотация: Научное наследие Р.Н. Попова остается актуальным. Будучи одним из патриархов фразеологии, он определил актуальные перспективы ее изучения. Одной из доминант творчества Р.Н. Попова является исследование фразеологии с архаичными компонентами. В современном русском языке, особенно в интернетном дискурсе, наблюдается ревитализация таких архаизмов. Пользователи интернета обращают на них специальное внимание и предлагают креативные расшифровки в духе народной этимологии. В статье анализируется такой материал.

Ключевые слова: Р.Н. Попов, архаизмы, фразеология, этимология фразеологизмов, актуализация внутренней формы фразеологизмов, народная этимология.

Abstract: Scientific heritage of R.N. Popov remains relevant. As one of the patriarchs of phraseology, he determined the current prospects for its study. One of the dominants of R.N. Popov is a study of phraseology with archaic components. In modern Russian, especially in the Internet discourse, there is a revitalization of such archaisms. Internet users pay special attention to them and offer creative transcripts in the spirit of folk etymology. The article analyzes such material.

Key words: R.N. Popov, archaisms, phraseology, etymology of phraseological units, actualization of the internal form of phraseological units, folk etymology.

В 2020 г. исполнилось бы 95 лет со дня рождения доктора филологических наук профессора Ростислава Николаевича ПОПОВА... Так начинается информационное письмо нашей Орловской конференции. Нам, младшим ровесникам патриарха отечественной фразеологии, эта дата кажется особо знаменательной. Ведь это – стимул вновь перечитать основополагающие труды Р.Н. Попова, задуматься о ретроспективе и перспективе его научных идей, поразмышлять над проблемами, которые его волновали всю жизнь. Интересы исследователя были широки и программа конференции отражает всю их палитру в полной мере. Но самой любимой темой, разрабатываемой им всю жизнь и оставившей яркий след в молодой в его время дисциплине – Фразеологии, была, конечно, проблема фразеологической архаики. Две монографии [Попов, 1967, 1976], серия статей (напр.: Попов, 1965, 1973 и др.) и выход в общую методику исследования фразеологического состава русского языка [Попов, 1976а] освящены этим интересом к архаике. Р.Н. Попов обратил внимание фразеологов на парадоксальный факт: что именно архаизмы во фразеологической системе русского языка (и не только, по моим наблюдениям, русского) являются мощным генератором фразеологической динамики и экспрессии.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00214 «Человек и общество в зеркале новой русской фразеологии».

Чем архаичнее, чем непонятнее словесный компонент, констеллирующий ФЕ, тем больше он притягивает внимание носителей языка и тем мощнее ассоциативная аура, иррадируемая им. В своей рецензии на второе издание книги Р.Н. Попова [Мокиенко, 1976] мне посчастливилось специально осветить этот аспект его наблюдений. Развивалась эта концепция Р.Н. Попова и в наших с А.М. Мелерович публикациях в сборниках, посвященных его памяти [Мелерович, Мокиенко, 2005; Мокиенко, 2010a]. А в одной из своих книг, вслед за Р.Н. Поповым, я подчеркивал, что выполняя в языке оценочно-экспрессивную и эстетическую функцию, «иррегулярные» слова и формы во фразеологии встречаются более чем регулярно» и что «внутренняя затемненность» подогревает их внешнюю активность, акцентирует на них особое внимание» [Мокиенко, 1986, 126-127]. К таким ФЕ, естественно, мною были отнесены любимые выражения Р.Н. Попова: *Одним махом семерых побивахом, еле можаху, своя своих не познаша, все возвращается на круги своя, бить челом, беречь как зеницу ока, темна вода во облацех, попасть как кур в ощиц, притча во языцех, несть числа, в девках сижено – плакано, замуж хожено – выто, с жиру беситься* (устар. жир – богатство), *ни кола ни двора* (устар. кол – небольшой участок земли) и под.

Концепция Р.Н. Попова остаётся и сейчас живой как жизнь, что легко увидеть по числу цитирования его трудов. Вот что пишет в недавно защищенной кандидатской диссертации «Архаизмы как тропеическое средство в современном русском литературном языке: лингвопрагматический аспект» его последовательница Татьяна Викторовна Коростелева [2015]: «Архаизмы – это часть национального литературного языка, хорошо известная тем, кого можно считать элитарными языковыми личностями, и прежде всего – писателям. Архаизмы – это чрезвычайно важное дополнение к общему (стандартному, усредненному) языку. Их особое назначение в русской лингвокультуре состоит не столько в том, чтобы передавать фактическую информацию, сколько в выражении сложных прагматических смыслов». И далее: «Пласт устаревшей лексики в языке новейшего времени оказывается чрезвычайно подвижным (в силу динамичности современных социальных процессов)» [Коростелева, 2015, 145-146]. Не правда ли, в этой справедливой констатации звучит живое эхо теории нашего Р.Н. Попова. Звучит оно сегодня многоголосьем и на нашей Орловской конференции.

Исследуя фразеологию разных языков и погружаясь в глубины её семантики, мы постоянно убеждаемся в справедливости замечания В.В. Виноградова, что ФЕ с архаическим компонентом – «это не только продукт окаменения и изоляции слов, но и способ и источник рождения новых слов» [Виноградов, 1938, 122]. Я бы назвал эти слова провидческими. Ибо в нашу заряженную до отказа гаджетами, чатами, фэйсбуком и интернетными шквалами на пользователей наблюдается настоящий «Sturm und Drank» инновативного – пусть и не всегда креативного притяжения к фразеологии с затемнённой внутренней формой.

Интернет стал мощным информационным каналом, к ресурсам которого обращаются многие пользователи. Оперативность получения информации, разнообразие её источников и способов комментирования, доступность

обращения к ней и обращения с ней делают Интернет всё более востребованным. Расширяется не только масштабность информационного поля, но и возможности прямого участия пользователей интернетной информации в обогащении её ресурсов. Тем самым обеспечивается прямой диалог пользователей с «донорами» такой информации.

Все названные и другие позитивные особенности информационных ресурсов Интернета несомненны. Вместе с тем такие характеристики этой информации, как оперативность, «диалогичность» и масштабная разнонаправленность имеют и свои отрицательные стороны. Информационная широта, в частности, порождает плюрализм, «всеядность» и даже противоречивость данных, «плавающих» в Интернете. Такие данные провоцируют искус восприятия самых разных фактов и интерпретаций в многоплоскостной проекции. Это разнообразие требует от потребителя интернетной информации трезвого критического восприятия. Без самостоятельно взвешенной объективной оценки такой информации её пользователь рискует принять субъективное за объективное, недостоверное за достоверное, ненаучное за научное.

Покажем это на примерах историко-этимологической и культурологической информации, предлагаемой его Величеством Интернетом. Интерес к расшифровке исходного образа слов и фразеологизмов родного языка столь велик, что практически по всем языкам – во всяком случае европейским – этот информационный параметр представлен весьма широко и разнообразно. Разумеется, количественное и качественное различие историко-этимологических справок по каждому языку зависит в какой-то мере и от степени филологической и культурологической разработанности этого аспекта лексики и фразеологии в каждом языке. Но сам спонтанный интерес к этой информации вызывает к жизни немало попыток историко-этимологических толкований, которые на поверку оказываются народно-этимологическими. Особенно это характерно для интернетной интерпретации европейской фразеологии. Здесь научно обоснованные, почерпнутые из солидных фразеологических справочников интерпретации чересполосицей сменяются явно анекдотическими, заведомо недостоверными анекдотическими толкованиями.

Типичны в этом отношении попытки пользователей Интернета докопаться до внутренней формы одного из самых загадочных русских выражений – *собаку съест*. Чисто анекдотический характер имеют объяснения на основе якобы народных обычаев или сказок. Вот два из них:

«Русские люди собак не едят, даже китайские мясные собачки чау-чау разводятся у нас исключительно в декоративных целях. Крестьяне так и вообще считали собаку нечистым животным, которому запрещалось входить в дом. Редкостная непогода должна была разбушеваться на улице, чтобы хозяин собаку из дома не выгнал. Тем более поганой считалась собачатина. Однако, голод не тётка, а нужда научит калачи есть. Бывают в жизни такие несчастья, когда и собаку съешь. Случится страшный голод, вроде того, что описан в повести Неверова «Ташкент – город хлебный», и будет съедена не только скотина, но и дворовые Жучки с Барбосами. И если человек в каком-либо деле собаку съел,

значит испытал всё, и доброе, и худое, и теперь его в этом деле уже ничем не удивишь».

«Отправился молодой парень в первый раз поле косить, бодрый шёл, весёлый, рядом собака бежит. Навстречу односельчанин едет. «Повороти телегу, а то перескочу!» – прытко говорит парень. «А что в мешке несёшь?» – спрашивает встречный. «Пироги!» – «Что ж так много?» – «А что не съем, то собаке отдам», – отвечает парень. Под вечер возвращается парень с работы, еле ноги волоча, и просит того же односельчанина убрать веревку, лежащую поперёк дороги, потому что сил не осталось переступить через неё. «А пироги где?» – спрашивает односельчанин. «Съел.» – «А собака?» – «И собаку съел, так во время работы есть захотелось. Зато всё поле выкосил, теперь учёный».

Характерно, что Валентина Пономарева, выпустившая в интернетный свет вторую сказку о происхождении нашего выражения, знает и цитирует также версию А.А. Потебни, которая, видимо, по её мнению не противоречит «сказочной».

«Плюрализм мнений» вообще характерен для интернетных историко-этимологических толкований фразеологии. Иногда случайная лингвистическая или культурологическая ассоциация порождает наукообразную гипотезу. Так, один из пользователей Интернета замечает, что в книге академика Б.А. Рыбакова «Язычество древних славян» приводятся древнеперсидские представления о летающей солнечной собаке Семаргле и что у славян также существовали изображения священного солярного пса. «Отчего не предположить в качестве гипотезы, – восклицает её автор, – что фразеологизм *съесть собаку* и у славян некогда имел сакральный смысл? Как знать...» (Школа жизни.Ру).

Немало в Интернете и глубокомысленных чисто лингвистических сопряжений, которые могут изобиловать конкретными фактами, но не вооружены научной методикой, учитывающей структурно-семантическую специфику фразеологии. Так, исходя из в принципе неверной этимологической связи слов *собака* и *зуб*, которые якобы имеют общее происхождение от изобразительного слова *цап, цоп (цапнуть, цеплять, цепь, разцеплять)*, один из пользователей Интернета реконструирует исходную форму слова для обозначения *собаки* – *зубака*, которая, по его словам, должна была существовать во времена славяно-германской общности. К такому этимологическому прочтению автор привлекает массу европейских слов типа нем. *Zahn* ‘зуб’, др.-англ. *toð* ‘зуб’, англ. *dog* ‘собака’, *tooth* ‘зуб’, *thug* ‘убийца’ (ср. *тукнуть, тыкнуть*), *sauce* ‘соус, приправа’, *doctor* ‘доктор, мастер, специалист’ и рус. *дока, дошлый* ‘опытный’. Приводя ассоциативные фразеологические аналогии типа рус. *грызть гранит науки* или *мне это по зубам*, автор делает вывод, что «фразу *я на этом собаку съел* надо понимать, как «*я на этом зубок съел (сточил)*», т.е. ‘имею большой опыт’. (Устье речи.ру). Эта версия могла бы быть зачтена в одну из потенциально семантически возможных (ср. рус. *зубы съесть на чём* и её белорусские, украинские и польские параллели), если бы не одно чисто этимологическое «но»: слово *собака* давно уже этимологами-славистами почти единодушно относится к ранним иранским заимствованиям (Черных 2, 183), в то время как

зуб – к древнему индоевропейскому глагольному корню со значением ‘кусать’, ‘прикусывать’, ‘жалить’ (Черных, 1, 330-331). Тем самым остроумная гипотеза любителя фразеологии оказывается колоссом на глиняных ногах. И тогда вступает в силу не менее остроумная шутка по поводу трудного для расшифровки выражения, отпущенная одним из пользователей Интернета:

«Если бы мы были корейцами... тогда возможно и не было бы вопросов...»

Особый интерес, разумеется, в Интернете вызывают именно такие ФЕ, внутренняя форма которых предельно затемнена. Они давно интересуют и историков фразеологии, вот почему не грех присмотреться не только к интернетским этимологиям, но и даже к самому факту их множественности. Характерный пример – идиома *сбить с панталыку*, которая, как и фразеологическая «собака» так до сих пор и остается необъясненным. В Интернете этот оборот вызывает самые жаркие споры – и в «Русском Форуме», и в «Евразийском Форуме», и в различных слотах интернетного пространства.

Многие участники дискуссии при этом знают научную и популярную литературу об этом фразеологизме, в свое время обобщенном нами в нашем «Историко-этимологическом словаре русской фразеологии» (БМС, 2005, 515). Нередки потому отсылки на связь выражения с греческой горой *Пантелик*, что предполагал более ста лет назад М.И. Михельсон (rus.1september.ru/articlef.php?ID...).

Некоторые пользователи Интернета проявляют при расшифровке этого выражения неоправданную уверенность. Например, один из них *панталык* «однозначно», по его утверждению, возводит к казахскому слову *панта* ‘рог маралов’, а поскольку «чем больше панты, тем круче марал», то переносно слово значит ‘понтовый, хвастливый’, а выражение *сбить с пантатыку* – ‘не дать хвастаться’.

Тем не менее тот же пользователь допускает и связь слова *панталык* с украинским (диалектным центрально-полесским) *панталык, пантык* (мн. ч. – *панталыки, пантыки*) – ‘старая, рваная, разношенная и бесформенная обувь’, описывая историю идиомы весьма буднично: «какого-то бедолагу сбивают ударом с ног; при этом его *панталыки* настолько разношены, что их хозяин вылетает из них легко и босоного (а обувь остается на месте, давно уже равнодушная ко всему на свете)» и добавляя при этом: «Ещё круче будет картинка когда вытряхивают, выбивают из *панталон...*».

Далее этот же любитель-этимолог возводит наше выражение к истории Троянской войны, во время которой Ахиллес был сбит если не с ног, то с «панталыка» – подошвы или колес... Ведь, по словам автора, без них какой дальше ход?» jvarg (11 November 2010 - 06:21 AM).

Как видим, такие расшифровки фразеологии в Интернете являются некой попыткой соединить народно-этимологическую «методологию» Варрона и Тредиаковского, замешанную на вольных ассоциации, с обычной шуткой – молодежным «стёбом».

Кстати, такие любители нередко стимулируются именно интернетной информацией. Каскад разных версий о выражении *сбить с панталыку* был «спровоцирован», между прочим, ознакомлением их автора с материалами

«Лингвофорума» Русский язык» (<http://lingvoforum.n...ic,28671.0.html>), где эта идиома толкуется так:

«**Панталык.** Как и пол. *pantałyk*, – из укр. пантелик. Последнее – карпатское слово пантлик, которое из словацк. *pantlik*. Последнее – заимствование из ю.-нем. *pantl* ‘узелок’, ‘завязка’, диминутив от *pant* < прагерм. **randan* ‘завязка’, имя действия к ‘связывать’. Значение слова панталык – ‘завязка’ > ‘суть’, ‘смысл’, ‘толк’.

Это объяснение, видимо, является «дайджестом» словарных статей некоторых этимологических словарей (Черных, 1, 621; ЕСУМ 4, 278). «Зацепившись» за это объяснение, пользователь Интернета развивает ещё одну народно-этимологическую гипотезу, сводя *панталык* с узелковым письмом и узелком на память. (<http://blogs.mail.ru...33B6EF40B9.html>; <http://volshebnitca...gija/20-1-0-417>) и делая ещё один решительный вывод: «Вообщем, *сбить с панталыку* – ‘сбить со счёта узелков в узелковом письме’.

Как говорится: No comment...

Конечно, такие архаические компоненты ФЕ, как *панталык*, вызывали и будут вызывать интерес специалистов-этимологов. В свое время столь взыскующие этимологической истины филологи Е.К. Николаева и акад. С. И. Николаев, посвятившие «панталыку» не менее десятилетия упорных изысканий, отказались было от его окончательной разгадки. Но загадочный *панталык* подобно магниту притягивал их к погружению в его таинственные недра. И вот недавно они предложили новое этимологическое прочтение, которое на лингвистическом уровне можно было ещё год назад признать *primus inter pares* – «первым среди равных» [Николаева, Николаев, 2019]. Но не прошло и года, как в том же польском лингвистическом журнале появилась новая любопытнейшая расшифровка этой так и не разгаданной загадки. Её предложила киевский фразеолог Л.И. Даниленко на основе скрупулёзного анализа употребления этого фразеологизма в знаменитой «Энеиде» Котляревского (Даниленко, 2020). Специально здесь не пересказываю их остроумные гипотезы, чтобы читатели нашего Орловского сборника сами смогли насладиться их этимологической расшифровкой. Конечно, окончательная разгадка этой фразеологической загадки, как кажется, так «стопроцентно» не найдена. Но, читая основательную аргументацию таких лингвистических экскурсов, сразу замечаешь их кардинальное отличие от легковесных выдумок пользователей Интернета. Масса материала, сопоставление с разными языками, уважение к интерпретациям предшественников, стремление к доказуемым аргументациям – вот, что отличает их от интернетных псевдоинноваций.

Лишь лимит места не позволяет продемонстрировать примеры аналогичных историко-этимологических истолкований многих других идиом – как русских, так и инославянских, напр., рус. *бить баклуши, положить зубы на полку, ни зги не видно, ни кола ни двора*; укр. *байдики бити*, чеш. *za krále Holce, pije jako holendr, ani zbla*, пол. *zbijać baki, spuścić nos na kwintę*, хорв. *za Kulina bana* и под. Достаточно заглянуть в интернетные ресурсы наших славянских языков, чтобы в этом убедиться.

Нужно заметить, что несмотря на уже отмеченный плюрализм интерпретаций, интернетные источники предлагают пользователю и достаточно объективную информацию, извлеченную из авторитетных справочников. Особо высока квота объективности таких справок для оборотов интернационального происхождения, имеющих хорошо засвидетельствованную историческую предысторию. В целом корректны и информативны, например, интернетные справки по таким выражениям, как *Ахилессова пята*, *строить воздушные замки*, *Потемкинские деревни* и под. Весьма полезны и непротиворечивы толкования фразеологии и афористики библейского происхождения.

И здесь, правда, нельзя исключить влияние массовой культуры и пиарной сиюминутности интернетных источников. Любопытна, например, быстрая актуализация «вторичной информации», связанной с тем или иным выражением – информации, которая может даже «заглушить» или даже вытеснить сообщение о его первоисточнике. Так, книжный оборот библейского происхождения и высокой стилистической окраски *земля обетованная* – ‘место, куда кто-л. страстно мечтает и стремится попасть’, ‘предмет страстных желаний, устремлений, надежд и т.п.’, ‘место, где царит довольство, изобилие, счастье’ – не просто актуализировался в Интернете последних лет, но и претерпел некую информационную «перезарядку». Теперь его ассоциируют в первую очередь с названием популярного польского фильма «*Ziemia obiecana*» режиссера Анджея Вайды, впервые продемонстрированного 21 февраля 1975 года в Варшаве. Популярность фильма не только в Европе, но и в странах других континентов стала причиной того, что словосочетание *земля обетованная* в Интернете на разных языках связывается именно с ним.

Более того – именно благодаря фильму и ассоциативной привязки к нему интернет предлагает пользователю полную языковую палитру этого выражения. Оно здесь отражено практически во всех европейских языках и некоторых восточных, напр.: бел. *зямля (краіна) абяцаная*, укр. *обітована (обітна) земля (країна), обітований (обітний) край*; пол. *obiecana ziemia*, чеш. *země zaslíbená*, словц. *krajina zaslúbená*, болг. *обетована земя*, макед. *ветената земја*, хорв. *obećana zemlja*, серб. *обећана земља*; лит. *pažadėtosis žemės*, латыш. *apsolīto zemi*; англ. *promised land*, ит. *la terra promessa*, исп. *la tierra prometida*, португ. *a terra prometida*, фр. *la terre promise*; иврит. *אֶרֶץ הַבְּרִית* и др. Как видим, во всех этих языках обетованная земля, как и в старославянском, означает «обещанная [Богом] земля». Немецкая же *das Gelobte Land* семантически весьма отличается от этого фразеологического ряда. Причиной такого различия может быть либо смысловой синкретизм в языке-источнике, где значения «обещанный» и «хвалёный» обозначались одним и тем же словом, либо полисемией немецкого глагола *loben*, который в прошлом имел более широкий семантический диапазон.

Несомненно, в подобных случаях Интернет способствует своеобразной «двойной актуализации» фразеологизма. Ведь для органического восприятия фильма А. Вайды и тех коннотаций, которые в нем присутствуют, и зритель, и пользователь Интернета в той или иной мере должен обратиться к первоисточнику. Тем самым хотя бы в сжатом виде они узнают, что *земля*

обетованная – это древнее выражение из Библии, обозначающее обещанную землю Палестину, куда Бог, выполняя свое обещание, привел потомков Авраама – евреев из Египта, где они томились в плену. Согласно библейскому мифу, Бог сказал Моисею, что приведет евреев в «землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед» (Исход, 3, 8 и 17). *Обетованной землей* Палестина названа в Послании к Евреям (11, 9). (Ашукины, 1987, 243; БМШ 2000, 184 и др.)

Фразеологизм в русский язык вошёл из церковно-славянского текста Библии, где *обетованная* земля и значит ‘обещанная’. Поэтому в русском языке оборот первоначально имел более высокую стилистику, чем в некоторых других европейских, – напр., в немецком.

Наряду с такими объективными и легко доказуемыми историко-этимологическими справками в интернетных ресурсах, как уже говорилось, немало надуманных, нередко фантастических комментариев внутренней формы фразеологизмов, вызванных весьма вольным прочтением их исходного образа – прочтением, диктуемым простым сложением семантики отдельных компонентов во фразеологическое целое. В принципе можно уловить даже определенную закономерность: чем прозрачнее (хотя на деле скорее – псевдопрозрачнее) внутренняя форма фразеологизма, тем «провокативнее» и прямолинейнее её интерпретации авторами соответствующих справок в Интернете. Простор для «герменевтических» толкований в духе В. Айрапетяна [2000, 2001] здесь поистине безграничен.

Типичный пример – разночтения в интерпретации старой русской идиомы *загнать за Можай* ‘очень далеко (загнать кого-л.)’. Однозначно исходя из факта, что *Можай* – это разговорная форма топонима Можайск (город на западе от Москвы), пользователи Интернета вольно приписывают ему самую различную историческую (т.е. псевдоисторическую) подоплеку. Одни считают, что фразеологизм возник во время отступления армии Наполеона из России, другие – что это свидетельство разгрома нашествия польских войск во времена Минина и Пожарского, третьи – связывают с боями советских войск на Можайском направлении в октябре 1941 года, четвертые – называют его фразеологическим обозначением недоброй памяти 101-го километра, куда в советские времена высылали на поселение опальных, инакомыслящих людей (Библиотека Гумер. Справочник по фразеологии; Грамота.РУ; Википедия и др.). Во многом такие толкования являются вольным пересказом тех интерпретаций, которые дают этому выражения фразеологии (ср.: БМС 2005, 441). Вольность таких пересказов и полное отсутствие какой-либо лингвистической аргументации той или иной версии здесь просто бьет в глаза.

Вместе с тем, именно чисто языковые факты позволяют сразу же отказаться от некоторых из названных псевдоисторических толкований. Так, выражение не могло возникнуть ни как отражение событий Великой Отечественной войны на Можайском направлении, ни как свидетельство советских репрессий уже потому, что оно употреблялось русскими писателями до этого периода – напр., в «Суходоле» П.А. Бунина, написанном в 1911 году:

«← Да и правда, – говорила Наталья, – когда было не пасть замертво от такой оказии? Господа за *Можай* её загнали бы! А потом узнали мы о

Суходоле нечто ещё более странное: узнали, что проще, добре Суходольских господ «во все вселенной не было...»

Ещё показательнее – свидетельство диалектов: выражение *загнать за мажай кого* в тульских говорах было записано в 1933 г. в значении ‘загнать кого-л. очень далеко’, а в курских – ещё в 1900-1902 г. в значении ‘угрожать кому-л. мстью, строгим наказанием’ (СРНГ, 17, 292). Кстати, фонетическое варьирование, широта распространения и не менее широкий семантический диапазон нашего выражения весьма значимы: ср.: морд., селигер. *загнать за мажай кого* ‘утомить, довести до изнеможения кого-л.’ (Селигер, 2007, 3, 246), морд. ‘заставить страдать, мучиться кого-л.’ (СРГМ, 1986,10); *загнать за Можай кого* прост. ‘очень далеко отправить, выслать кого-л.’ (ЗС 1996, 488); орл. ‘наказать, проучить кого-л.’ (СОГ, 1994, 135); орл. ‘измучить, утомить кого-л.’ (СОГ 1994, 135); орл. ‘превзойти кого-л. в работе’ (СОГ, 1994, 135)*.

Такие факты говорят о том, что принимаемые на веру пользователями Интернета «исторические» расшифровки этой идиомы ненадежны и требуют критического пересмотра. Как впрочем, и некоторые интерпретации фразеологов по профессии.

Одним из преимуществ Интернета является весьма оперативная возможность проверить достоверность предлагаемой ему информации путём сопряжения этимологии по интересующей его идиоме в одном языке с расшифровкой аналогичного по образности оборота в других языках. Такую возможность, например, хорошо предоставляет соматическая фразеология, метонимическая образность которой во многом обесценивает их генетическую и типологическую универсальность в разных языках. Типичны здесь, например, параллели во многих языках для таких русских выражений, как *брать/ взять ноги в руки, с головы до пят, душа ушла в пятки, жить на широкую ногу* и т.п.

В этом случае уже сама возможность фронтального сопоставления конкретной фразеологической единицы с оборотами других языков, оперативно предоставляемая Интернетом, может многое дать для объективной историко-этимологической интерпретации такой единицы. Так, рус. *брать/ взять ноги в руки* в сопоставлении с другими славянскими и неславянскими параллелями – напр., бел. *браць (узяць) ногі на плечы*, укр. *брати ноги на плечі*, пол. *brać/ wziąć nogi pod pas*, чеш. *brát/ vzít nohy na ramena*, словацк. *vziať nohy na plecía*, в-луж. *nohi (noze) pod pažu brać/ wzać*, словен. *vzel je noge pod pazduho*; англ. *take to one's heels*, нем. *die Beine in die Hand nehmen, die Füße unter die Arme nehmen* и фр. *prendre ses jambes à son cou*, ит. *mettersi le gambe in spalla* (реже *in capo*), исп. (латино-американское) *ponerse los pies en la cabeza* ‘мчаться во весь дух; нестись сломя голову’ помогают отвергнуть традиционные этимологические интерпретации белорусского, украинского, польского и французского фразеологизмов, часть из которых, кстати, представлена и в Интернете. Более того, славянские и другие европейские параллели убедительно отсеивают и намеренно эротизированную интернетную интерпретацию французского выражения, буквально воспроизводящую его соматический образ. Объективно же этот образ прочитывается как образ

* В целях экономии места точные данные об источниках (в сокращении) читатель найдёт в нашем «Большом словаре русских пословиц» (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010).

анималистический: во всех оборотах исходная внутренняя форма восходит к быстрому бегу животного, у которого задние лапы «забегают» впереди передних или их предплечий [Мокиенко, 2010].

Близкую процедуру установления истинного этимона европейского фразеологизма предоставляют интернетные данные по разным языкам в их сопоставлении для русских выражений – ср. германские и романские параллели к таким оборотам, как *пускать пыль в глаза*, *бросать камешки в чей огород* и под.

Наконец, небезынтересны и такие историко-этимологические толкования, которые Интернет предлагает для наиболее загадочных, затемнённых по внутренней форме фразеологизмов.

Как же оценивать плюрализм историко-этимологических интерпретаций, предлагаемых Интернетом?

Конечно, в первую очередь желательно просеивать их сквозь собственно лингвистический фильтр, пытаться доказать предпочтительность той или иной версии с помощью методики структурно-семантического моделирования [Мокиенко, 1980, 1989]. Но как при этом относиться к тем версиям, которые заведомо не выдерживают строго лингвистической критики, но тем не менее порождены ассоциативной цепочкой создателей таких этимологий?

Разумеется, с чисто научных позиций их нужно доказательно опровергать и отвергать. Но как порождение языковой креативности, народной образной фантазии, бытового восприятия таких идиом в современном обществе и в современной речи с ними нельзя не считаться. Ведь это вторая, третья или даже десятая коннотативная жизнь фразеологизмов, некогда порожденных структурно-семантическими моделями того или иного языка. И как рефлекс языковой креативности учитывать их необходимо. Необходимо уже и потому, что следы такого восприятия идиоматики мы находим и в художественных и публицистических текстах, и в языке современной рекламы, и в живой народной речи.

Таким образом, интернетные ресурсы немало дают и для такого важного аспекта исследования фразеологии, как её историко-этимологическая интерпретация. Вот почему и историк языка в наше время уже не имеет права пренебрегать этим современным весьма ценным источником. Источником, который позволяет вновь задуматься о тех образных ростках, из которых вырастает вечно зелёное древо Фразеологии. Одним из садовников, взрастивших это древо, был Р.Н. Попов. И приятно сознавать, что здесь, в Орле, сидят многие, кому посчастливилось вкусить плодов с этого древа. И Ваш покорный слуга – один из них. Может быть, даже более посчастливилось, чем большинству из вас, поскольку Ростислав Николаевич удостоил меня особой чести, когда давным-давно предложил мне, молодому тогда фразеологу, быть его соавтором и соредактором [Мокиенко, Попов 1975, Мокиенко, Попов 1981]. И чем больше я живу, тем больше дорожу сотрудничеством и дружбой с нашим Ростиславом Николаевичем Поповым.

Литература

Айрапетян, Вардан. Русские толкования. – М.: Языки русской культуры, 2000. (Studia philologica. Series minor). – 208 с.

- Айранетян, Вардан.* Толкуя слово: Опыт герменевтики по-русски. – М.: Языки русской культуры, 2001. (Studia philologica). – XII + 484 с.
- Виноградов, В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв.– М.: Учпедгиз. 1938. – 254 с.
- Даниленко, Л. І.* Український пантелик та його рецепція у слов'янських мовах (до походження фразеологізму *збити з пантелику*) // *Slavia Orientalis* T. LXIX, N 2, Rok 2020. – С. 319-224.
- Коростелева, Т.В.* Архаизмы как тропеическое средство в современном русском литературном языке: лингвопрагматический аспект Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык Научный руководитель – д.филол.н., профессор Куликова Э.Г. Ростов-на-Дону 2015. – 180 с.
- Мелерович, А.М., Мокиенко, В.М.* Критерии фразеологичности в аспекте соотношения содержания и формы фразеологических единиц // Информационный потенциал слова и фразеологизма. Международная научно-практическая конференция, посвященная памяти профессора Р. Н. Попова (к 80-летию со дня рождения). Орёл, 19-21 ноября 2005 года. Сборник научных статей. – Орёл, 2005. – С. 61-70.
- Мокиенко, В.М.* Рец. на кн.: Р. Н. Попов. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. – м., 1976 // Вопросы языкознания. – 1978. – № 5. – с. 150-152.
- Мокиенко, В.М.* Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1980. – 207 с. 2-е изд. М., 1989. – 287 с.
- Мокиенко, В.М.* Образы русской речи: Историко- этимологические и этнографические очерки фразеологии. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. 1986. – 280 с.
- Мокиенко В.М.* Из истории европейской соматической фразеологии (Kam s pohama?) // *Phraseologische Studien*. Фразеологические исследования. Dynamische Tendenzen in der slawischen Phraseologie. Динамические тенденции в славянской фразеологии. Redaktion Dana Baláková und Harry Walter. – Greifswald, 2010. – С. 252–267.
- Мокиенко, В.М.* Из истории крылатых выражений И.А. Крылова. 1. (*Хоть видит око, да зуб неймет*). // Слово, фразеологизм, текст в литературном языке и говорах. Памяти профессора Р.Н. Попова. – Орел: Орловский гос. ун-т, 2010. – С. 108–113.
- Мокиенко, В.М., Попов, Р.Н.* Номинативные и экспрессивные словосочетания в славянских языках // Всесоюзная научная конференция по проблемам обучения в / условиях близкородственного билингвизма. – Минск, 1975. – С. 407-411.
- Мокиенко, В.М., Попов, Р.Н.* (ред.) Системные отношения лексических и фразеологических единиц: сб. статей. – Курск, 1981. – 152 с.
- Николаев, С.И., Николаева Е.К.* О сложности взаимовлияния близкородственных языков (на примере выражения *сбить с панталыку*) // *Slavia Orientalis*. 2019. № 4. S. 240-250.
- Попов, Р.Н.* Архаичные глагольные формы в устойчивых словосочетаниях // Русский язык в школе. 1965. –№ 4. – С. 72-78.
- Попов, Р.Н.* Фразеологизмы современного русского литературного языка с историзмами и лексическими архаизмами. Вологда: «Сев.-зап. книжн. изд-во», 1967. – 168 с.
- Попов, Р.Н.* Словообразование на почве фразеологических единиц // Русский язык в национальной школе, 1973. – N 5. – С. 2-8.
- Попов, Р.Н.* Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слова. – М.: Наука. 1976. – 200 с.
- Попов, Р.Н.* Методы исследования фразеологического состава языка. – Курск: Изд-во Курского пед. ин-та, 1976. – 83 с.
- Попов, Р.Н.* Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слова. – М.: Наука. 1976. – 200 с.
- Художественная литература, 4-е изд., дополненное. М.: Художественная литература, 1987. – 526 с. – Ашукины 1987.
- Ашукин, Н.С., Ашукина, М.Г.* Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. – М.: формами слов. М.: «Высшая школа», 1976. – 200 с.
- Бирих, А. К., Мокиенко, В. М., Степанова, Л. И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов. /СПбГУ: Межкафедральный словарный кабинет им. Б. А. Ларина. – Под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926. [2] с. – БМС 2005.

Берков, В.П., Мокиенко, В.М., Шулежкова, С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М.: «Русские словари», ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000. – 624 с. – БМШ 2000 .

Етимологичний словник української мови. Тт. 1–5. Київ: Наукова думка, 1983–2006. – ЕСУМ.

Зимин, В. И., Спириин, А. С. Пословицы и поговорки русского народа. – М: «Сюита», 1996. – 544 с. – ЗС 1996.

Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений. – Под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 784 с. – Мокиенко, Никитина 2008.

Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Главный редактор С.А. Мызников. Вып. 1–51. Л.–СПб, 1965–2019. (издание продолжается). – СРНГ.

Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. тт. 1 (А-Пантомима. – 622 с.); II (Панцирь-Ящур. – 560 с.). М.: «Русский язык», 1993. – Черных.

А.Р. Попова

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

E-mail: StudioAA2001@yandex.ru

A.R. Popova

Orel State University named after I.S. Turgenev

УДК 811.161.1

ЖАНР СТИХОФРАЗЫ И РЕАЛИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ФРАЗЕОЛОГИЗМА

GENRE OF POEMPHRASE AND IMPLEMENTATION OF THE INFORMATION POTENTIAL OF A PHRASEOLOGICAL ITEM

Аннотация: Фразеологическая единица имеет жанрообразующую функцию и становится базой для развития произведений нового жанра – стихофразы. Стихофраза есть поэтический текст, содержание и форма которого подчинены раскрытию семантики заглавия-фразеологизма. При создании текста стихофразы может быть реализован культурологический, символический, лексический, семантический, этимологический, синтаксический, интертекстуальный потенциал фразеологизма (или же совокупность данных видов информационного потенциала). Статья написана на авторском материале (47 текстов стихофраз).

Ключевые слова: Фразеологизм, стихофраза, информационный потенциал, поэтический текст.

Abstract: The phraseological item has a genre-forming function and becomes the basis for the evolution of works of a new genre of poemphrase. A poemphrase is a poetic text content and the form of which are subordinated to the disclosure of the semantics of the title – phraseological item. While creating a text of a poemphrase the culturological, symbolic, lexical, semantic, etymological, syntactic, intertextual potential of a phraseological item (or a combination of these types of information potential) can be realized. The article is written on the author's material (47 texts of poemphrases).

Key words: Phraseology item, poemphrase, information potential, poetic text.

Стихофраза представляет собой поэтический текст, имеющий заглавием фразеологизм и раскрывающий его семантику своей содержательной и формальной стороной в художественной, эстетической, образной форме.